Высшее профессиональное образование

БАКАЛАВРИАТ

В. Е. ХАЛИЗЕВ

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

УЧЕБНИК

Для студентов учреждений высшего профессионального образования, обучающихся по направлению подготовки 032700 — Филология

6-е издание, исправленное

ACADEMIA

Москва
Издательский центр «Академия»
2013

УДК 82.09(075.8)
ББК 83я73
Х172

Рецензенты:

кафедра теории и истории мировой литературы Южного федерального университета (зав. кафедрой — кандидат филологических наук, доцент *Е. В. Григорьева*); доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета *В. И. Тюпа*

Хализев В.Е.

Х172 Теория литературы : учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / В. Е. Хализев. — 6-е изд., испр. — М. : Издательский центр «Академия», 2013. — 432 с. — (Сер. Бакалавриат).
ISBN 978-5-7695-9812-8

Учебник создан в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 032700 — Филология (квалификация «бакалавр»).

Учебник охватывает основные аспекты современной теории литературы. В первой главе («Литературоведение как проблема»), отсутствовавшей в предыдущих изданиях, обсуждается место литературоведения в *системе научного знания*. Следующие главы посвящены *искусству* как таковому, *специфике* художественной словесности и *поэтике*; введены параграфы «Текстология» и «Комментарий». Далее речь идет о контекстах литературного творчества: о его генезисе и функционировании. В главу о закономерностях развития литературы во всемирном масштабе введен новый параграф «Историческая поэтика». В учебнике обсуждаются теоретико-методологические позиции крупных ученых, а также различных научных направлений и школ. Наряду с собственно литературоведческими понятиями и терминами характеризуются и такие философские и общегуманитарные категории, как *эстетическое*, *ценность*, *картина мира*, *личность*, *культура*, *миф*, *герменевтика*, *текст*.

Для студентов учреждений высшего профессионального образования.

УДК 82.09(075.8)
ББК 83я73

Учебное издание

Хализев Валентин Евгеньевич

Теория литературы

Учебник

Редактор *Г. Н. Усков*. Технический редактор *О. Н. Крайнова*.
Компьютерная верстка: *Н. А. Рогоза*. Корректоры: *О. Н. Яковлева*, *Э. Г. Юрга*

Изд. № 106116722. Подписано в печать 25.12.2012. Формат 60×90/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 27,0. Тираж 1 000 экз. Заказ №

ООО «Издательский центр «Академия». www.academia-moscow.ru
129085, Москва, пр-т Мира, 101В, стр. 1.
Тел./факс: (495) 648-0507, 616-00-29.
Санитарно-эпидемиологическое заключение № РОСС RU. АЕ51. Н 16067 от 06.03.2012.

Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (4822) 44-42-15.
Интернет / Home page — www.twerpk.ru. Электронная почта (E-mail) — sales@tverpk.ru.

Оригинал-макет данного издания является собственностью Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом без согласия правообладателя запрещается

© Хализев В. Е., 2009
© Образовательно-издательский центр «Академия», 2009
ISBN 978-5-7695-9812-8
© Оформление. Издательский центр «Академия», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Теория литературы изобилует моментами дискуссионными. Многие суждения и концепции между собой решительно расходятся, порой оказываясь несовместимыми. Разнобой мнений, позиций, точек зрения ученых закономерен и, надо полагать, неустраним в принципе, ибо понимание сущности литературного творчества во многом зависит от той культурно-исторической ситуации, в которой оно возникло и получило обоснование, и, конечно же, от мировоззренческих ориентаций литературоведов. По словам современного польского ученого Е. Фарыно, любую теорию «надо рассматривать как документ, свидетельство о состоянии художественного сознания в данную эпоху». Отсюда делается довольно жесткий вывод, что не может быть единой, универсальной теории литературы на все времена: «Суждения предыдущих теорий не входят в состав суждений теорий более новых — предыдущие обычно отвергаются или вообще игнорируются, а если что-либо из них и сохраняется, то всегда получает новую интерпретацию»[1]. Это совершенно справедливо применительно к тем теоретическим построениям, которые ориентированы на локальный художественный опыт, являясь программным обоснованием практики определенной литературной школы (направления). Но приведенное высказывание Е. Фарыно нуждается в корректировке, коль скоро речь ведется о теоретических опытах, устремленных к познанию закономерностей литературного творчества *разных* стран и эпох: здесь последующие теории в большей мере наследуют предыдущие, чем их оспаривают. Пример тому — разработка исторической поэтики, начатая А. Н. Веселовским и продолжающаяся вплоть до нашего времени. Подобного рода теоретические построения правомерно назвать *вненаправленческими*.

«Вненаправленческая» традиция литературно-теоретических штудий, на наш взгляд, ныне весьма актуальна, Веселовский остается фигурой образцовой. Ученый решительно отказывался провозглашать какой-либо научный метод единственно приемлемым и верным, говоря о границах использования каждого из них. Характеризуя труды одного из современных ему ученых, где акцентировалась генетическая связь народно-песенных сюжетов с бы-

---

[1] *Фарыно Е.* Введение в литературоведение: в 3 ч. — Катовице, 1978. — Ч. 1. — С. 29.

товым укладом, А. Н. Веселовский замечал: «Метод не новый, но им надо пользоваться умеючи, памятуя, что он не исключительный и что, когда бытового критерия не хватает, необходимо браться за другой»[1]. Теоретико-методологическая непредвзятость, недогматичность мышления Веселовского ценны и насущны поныне как противовес всякого рода «единоспасающим» концепциям и притязаниям ученых на полноту владения истиной.

Далеко не случайна и осторожная тональность работ Веселовского, которая, на наш взгляд, для теоретического литературоведения оптимальна. Ученый не любил безапелляционно провозглашаемых тезисов. Едва ли не основная форма его обобщающей мысли — это предположительное суждение, нередко формулируемое в виде вопроса. Например: «Сходство народных верований, при отличии рас и отсутствии исторических связей, не может ли быть объяснено из природы психологического процесса, совершающегося в человеке?»[2] Или: «Нет ли законного (т. е. закономерного. — *В. Х.*) соотношения... между внешним признаком и тем содержанием, которое оно (произведение. — *В. Х.*) предназначено характеризовать?»[3]

Тому, что было свойственно «вненаправленческим» трудам А. Н. Веселовского, во многом сродни теоретические работы таких крупных ученых XX в., как В. М. Жирмунский, А. П. Скафтымов, М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев. Эти литературоведы синтезировали разнородный теоретико-литературный опыт прошлых эпох и современный. Подобные теоретические построения в большей мере опираются друг на друга, нежели противостоят один другому.

Предлагаемая читателям книга наследует именно эту традицию, но вместе с тем принимает во внимание и обсуждает также «направленческие» концепции.

Одна из основных задач автора — сделать шаг в сторону преодоления весьма значительной ныне дистанции между тем, что достигнуто наукой о литературе, и тем, что вошло в обиход вузовского преподавания ее теории. В частности, в обсуждение вовлекается ряд понятий и терминов, которые отсутствуют в имеющихся пособиях: преднамеренное и непреднамеренное в художественном творчестве, роль читателя в литературной жизни, классика и массовая литература, элитарные и антиэлитарные концепции, традиционная и нетрадиционная герменевтика, произведение и текст, ценностные ориентации и формы поведения персонажей, внеродовые формы литературы и многое другое.

---

[1] *Веселовский А. Н.* Мелкие заметки к былинам. XVI // Журнал министерства народного просвещения. — 1890. Март. — С. 29.

[2] *Веселовский А. Н.* Сравнительная мифология и ее метод // Веселовский А. Н. Собр. соч. — М.; Л., 1938. — Т. 16. — С. 86.

[3] *Веселовский А. Н.* Определение поэзии // Веселовский А. Н. Избранное. Историческая поэтика. — М., 2006. — С. 145.

Методическая установка, лежащая в основе пособия, может быть названа *координирующей*. В книге сопоставляются и анализируются разные, порой между собой несовместимые научные идеи и концепции. Системность и логическая упорядоченность в соединении с антидогматичностью и диалогической открытостью — вот к чему стремился приблизиться автор. Подобная стратегия, хочется надеяться, в состоянии способствовать *свободному самоопределению* формирующихся литературоведов.

Вовлекая в обиход вузовского преподавания поныне отсутствующие в его составе понятия и термины, концепции и суждения, мы сочли необходимым давать многочисленные отсылки к имеющим теоретико-литературную значимость работам, компактно их излагать и цитировать. В противном случае у читателей возникло бы ложное впечатление, что высказываемые мысли принадлежат исключительно автору учебника. Многие постраничные примечания являются рекомендациями студентам для самостоятельного ознакомления с соответствующей научной литературой. При изучении курса автор советует также обращаться к хрестоматиям[1] и энциклопедическим изданиям[2].

Содержание и структура данного пособия формировались на протяжении нескольких десятилетий в процессе чтения соответствующего лекционного курса на филологическом факультете МГУ. Автор бесконечно многим обязан общению (начиная со студенческих лет) с Г. Н. Поспеловым, своим учителем, — общению, которое со временем все чаще сопровождалось спорами и в процессе которого выкристаллизовывалась концепция лекционного курса и этой книги. Автор благодарен коллегам, ученикам, друзьям, которые в рецензиях, письмах, устных беседах и репликах отзывались (нередко и критически) на предыдущие издания учебника.

Параграф «Формы поведения» написан *С. А. Мартьяновой*, параграф «Самосознание персонажа. Психологизм» — совместно с ней; параграфы «Массовая литература» и «Беллетристика» — при активном участии покойной Е. М. Пульхритудовой.

---

[1] См.: Хрестоматия по теоретическому литературоведению. — I-е изд. подгот. И. Чернов. — Тарту, 1976; Хрестоматия по теории литературы / сост. Л. Н. Осьмакова; вступ. ст. П. А. Николаева. — М., 1982; Поэтика. Труды русских и советских поэтических школ / сост. Д. Кирай, А. Ковач. — Budapest, 1982; Введение в литературоведение: хрестоматия / под ред. П. А. Николаева и А. Я. Эсалнек. — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 2006; Теоретическая поэтика: Понятия и определения: Хрестоматия / авт.-сост. Н. Д. Тамарченко. — М., 2001.

[2] См.: Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. — М., 1987; Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. — М., 2001; Литературоведческие термины (материалы к словарю) / ред.-сост. Г. В. Краснов. — Коломна, 1997, 1999. — Вып. 1—2; Западное литературоведение XX века. Энциклопедия / гл. науч. ред. Е. А. Цурганова. — М., 2004.

Глава I

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ КАК ПРОБЛЕМА

Сущность литературоведения понимается современными гуманитариями по-разному. Здесь много непроясненного: или это в полном смысле наука, подобная всем остальным (Ю. М. Лотман, М. Л. Гаспаров), или весьма специфическая область знания, в составе которой наличествуют также «инонаучные» моменты (М. М. Бахтин, С. С. Аверинцев, А. В. Михайлов). В этом втором русле — и программные суждения С. Г. Бочарова, например: «Филологическое дело — занятие личное, как писательство»[1]; «Литературоведение — это тоже литература и филолог — это писатель»[2]. Порой знания о литературе как таковые расцениваются как нечто вообще запредельное науке, а само слово «литературоведение» трактуется как выдумка схоластов и догматиков. Но, полагаем мы, причастность знаний о художественной литературе сфере собственно научной остается бесспорной.

Не притязая на окончательное решение вопросов о статусе литературоведения, мы предпримем их развернутое обсуждение. Поначалу остановимся на науковедении как таковом, где, заметим, дискуссионных моментов тоже предостаточно. А позже сосредоточимся на самом литературоведении — на мире знаний о художественной словесности.

1. ОСНОВЫ НАУКОВЕДЕНИЯ

§ 1. Сущность научного знания

Наука (греч. episteme, лат. scientia) является одной из многих областей *знания* о реальности, обретенного и обретаемого людьми и их сообществами. Знания же, в свою очередь, составляют одно из «звеньев» *представлений* человека об окружающем и самом себе. В их сферу входят и религиозно-мифологические верования, и идеологии, нередко насаждаемые «сильными мира», и всяческие предрассудки, и плоды индивидуального воображения (мечтания и фантазии, сны и галлюцинации). Все эти «зоны» че-

[1] *Бочаров С. Г.* Филологические сюжеты. — М., 2007. — С. 629.
[2] *Бочаров С. Г.* Сюжеты русской литературы. — М., 1999. — С. 12.

ловеческой субъективности принципиально отличны от сферы знаний с их рациональной доминантой.

Знание правомерно определить как мир таких представлений людей, которые соответствуют (адекватны) реальности. Оно являет собой «отражение объективных характеристик действительности в сознании человека» (Философский энциклопедический словарь. — М., 1989).

Сфера знаний, не являющихся собственно научными, широка и разнопланова. Она включает в себя прежде всего подтверждаемые опытом представления о непосредственно близкой людям реальности, обретаемые ими с детства и дающие возможность практической ориентации. Знаниями являются также сведения людей о том, что находится за пределами их повседневности. Такова информация, которую дают образование, книги, фотографии, аудиовизуальные средства коммуникации, а также устное общение. Познанием, запредельным научной сфере, является и овладение культурными ценностями (императивами нравственности, правовым сознанием, навыками поведения).

Каковы же свойства собственно научного знания? Обозначим наиболее авторитетные, на наш взгляд, положения науковедения. Еще в XIX в. говорилось, что настоящие ученые отказываются от своих частных мнений и убеждений, отдавая себя во власть предмета. А по словам современного ученого, наука — это «вид познавательной деятельности, нацеленный на выработку объективных, системно организованных знаний о мире» (Новая философская энциклопедия: в 4 т. — М., 2001. — Т. 3). Предмет научного знания — это прежде всего нечто закономерное, повторяющееся, не являющееся случайно-индивидуальным. Вместе с тем в науку «вторгаются» и некие единичности (они, к примеру, неотъемлемо важны в географии, исторической науке, искусствознании). При этом важнейшее свойство предмета науки — его изначальная *несамоочевидность*. Ученый — это добытчик истин, открыватель «пластов» реальности либо ее единичных фактов, обладающих значительностью, — фактов, которые дотоле оставались непознанными или прочно забытыми. Говоря иначе, императив научной деятельности — это *новизна* результата или, по меньшей мере, актуализация забытого или полузабытого.

По словам авторитетного немецкого социолога-философа Макса Вебера, императив ученого — это «простая интеллектуальная честность»; его долг состоит в том, чтобы упорно и бескомпромиссно «искать истину». Необходимым условием научной деятельности, далее, является, по словам Вебера, «строжайшая специализация»[1]. Наука, говоря иначе, слагается из отдельных *дисциплин*, каждая

[1] *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. — М., 1990. — С. 734, 732, 708.

из которых сосредоточивается на определенном «участке» реального мира. Плодотворные исследования в наше время часто являются *меж*дисциплинарными, но науке противопоказана какая-либо «*над*дисциплинарность». Правда, неоднократно говорилось о желательности создания «всеобщей науки» (studium generale, Gesamtwissenschaft), но эта крупномасштабная программа осталась нереализованной, что закономерно. Бытие в целом, универсум как таковой с его метафизическими началами ученым недоступен «по определению»: онтологические всеобщности подведомственны философским опытам и религиозно-мифологическим верованиям, но не науке.

Таким образом, «специализированность» научного знания знаменует некоторую его ограниченность. Наука (в отличие от философии и религии) не способна дать людям целостное миропонимание и ценностные ориентации, не открывает им полной и окончательной истины, потребность в которой неизбывна и вечна. По словам М. Вебера, опиравшегося на суждения Л. Н. Толстого, люди науки не в состоянии открыть обществу путь «к истинному бытию», «к истинному искусству», «к истинной природе», «к истинному Богу», «к истинному счастью»[1].

Ценность научного знания состоит в ином. Рационально и систематично постигая мир, ученые углубляются в каждую отдельную его грань, чего не дано ни практическому освоению жизни, ни искусству, ни философии, ни мифологии, ни религиозной вере. Наука, во-первых, решает жизненно-практические задачи, содействуя техническому творчеству и преображению жизни. Во-вторых, она имеет созерцательно-теоретическую значимость, организует мышление людей, дисциплинирует их интеллект[2].

Мировоззрение ученых может быть (и бывает!) самым разным. Вместе с тем для научной деятельности крайне неблагоприятно представление о бытии как неупорядоченном, тотально хаотическом (о классической и неклассической картине мира см. с. 55—59). «Мы должны действовать в духе центрального порядка», — утверждал один из ведущих представителей теоретической физики В. Гейзенберг, который подобно большинству его коллег считал, что теория относительности не поколебала представлений о наличии констант в физической реальности[3]. Как противовес «дряблому релятивизму» характеризовал науку Вебер[4].

---

[1] *Вебер М.* Наука как призвание и профессия. — С. 718.

[2] См.: *Гайденко П.П.* Введение // Философско-религиозные истоки науки. — М., 1997. — С. 10—11.

[3] *Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое. — М., 1989. — С. 326, 101—102.

[4] *Вебер М.* Наука как призвание и профессия. — С. 734.

Знание, обретенное ученым, всегда неокончательно. Наука не в состоянии постигнуть тот или иной круг явлений с исчерпывающей полнотой. Реальность всегда открыта дальнейшим исследованиям, размышлениям, обобщениям. По словам А. В. Михайлова, видного современного гуманитария, ученым подобает несамонадеянность, ибо (цитируется А. Фет) «...в мирозданьи, куда ни обратись, — вопрос, а не ответ», так что все мы без исключения обречены на неполноту обретенных знаний[1]. По мысли ученого, научное знание плавает в океане «предзнания». Настаивая на этом, А. В. Михайлов прибегает к парадоксу: «незнание — это сила»[2].

При всем том, что *результаты* научной работы должны быть рациональными, вполне обоснованными, *процессы* деятельности ученых (особенно их начальные, «доисследовательские» стадии) бывают причастны *интуиции*. Это весьма существенный компонент научной деятельности.

О неоценимой важности для людей науки непосредственных, неаналитических, целостных постижений говорилось неоднократно. Можно было бы привести высказывания на этот счет математика А. Пуанкаре, философов А. Бергсона и Э. Гуссерля, а также многих других. По словам крупного французского физика, научная деятельность отмечена поразительным противоречием: «Человеческая наука, по существу рациональная в своих основах и по своим методам, может осуществлять свои наиболее замечательные завоевания лишь путем опасных внезапных скачков ума, когда проявляется его способность, освобожденная от тяжелых оков строгого рассуждения: воображение, интуиция, остроумие позволяют ученому увидеть новые горизонты... Воображение и интуиция, используемые в разумных пределах, остаются необходимыми вспомогательными средствами ученого в его движении вперед»[3].

«Игровой» раскованности мысли ученого, верного своему призванию, неминуемо сопутствует *ответственность*. Она двояка. Во-первых, перед изучаемым объектом, что самоочевидно: долг устремленности к истине — непререкаем. Во-вторых, что особенно важно в близкие нам эпохи, когда наука нашла небывало широкие области практического применения, необходима полнота ответственности ученых и их сообществ, публикующих свои работы, за практическое использование открытий. Как выразился один из современных философов, исследования ученых должны быть *человекосоразмерными*. Имея в виду экологическую проблематику, правомерно добавить: и «природосоразмерными». Го-

---

[1] *Михайлов А.В.* Стенограмма доклада «Несколько тезисов к теории литературы» // Литературоведение как проблема. — М., 2001. — С. 203—204.

[2] Там же. — С. 234.

[3] *Бройль Луи де.* По тропам науки. — М., 1962. — С. 234—235.

воря иначе, наука призвана служить такому обогащению и преображению реальности, при котором не наносится урона жизни. Или — еще иначе: ученым подобает *озабоченность* сохранением основ человеческого и природного бытия.

К месту вспомнить суждения М. М. Бахтина об ответственности художника, в полной мере применимые и к ученому. В его ранней статье «Искусство и ответственность» говорилось о двух гранях ответственности художника: перед искусством и перед жизнью. «И нечего, — читаем мы, — для оправдания безответственности ссылаться на "вдохновенье". Вдохновенье, которое игнорирует жизнь и само игнорируется жизнью, не вдохновенье, а одержание»[1].

По сути о том же стихотворение Ю. Кузнецова «Атомная сказка», герой которого, Иванушка, найдя в болоте Царевну-лягушку,

Вскрыл ее белое царское тело
И пустил электрический ток.
В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познанья сияла
На счастливом лице дурака.

Вот оно, «одержание», о котором говорил Бахтин! Одержание опасное. Губительное.

Суммируем сказанное. Наука является *одной из форм* культуры, равноправной всем другим. Нет оснований ни для ее иерархического возвышения над иного рода человеческими ценностями (подобные представления именуются сциентизмом, или наукоцентризмом), ни для ее третирования и отвержения на том основании, что мысль ученых не всесильна.

Таковы в предельно сжатом изложении основные положения науковедения. На протяжении Нового времени представления о научном знании видоизменялись, о чем пойдет речь дальше.

§ 2. Из истории науковедения

Время появления науки в Европе — это античность. Аристотель был не только философом, но и ученым, яркое свидетельство тому — его трактат «Физика». Деятельность Евклида находится у истоков таких наук, как математика и астрономия. Средневековье, в котором господствовала церковная догматика, было малоблагоприятным для упрочения и развития собственно научной мысли, но поздневозрожденческое время, и в особенности XVII в., озна-

[1] *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. — М., 1979. — С. 6.

меновались масштабными открытиями и напряженной рефлексией над наукой как таковой. Труд жизни Ф. Бэкона, оставшийся незавершенным, именовался «Великое восстановление наук». В знаменитом трактате Р. Декарта «Рассуждение о методе» и других его работах говорилось о безграничных возможностях научного знания; мир (вселенная, универсум) мыслился как огромный механизм, в котором нет ничего таинственного и который познаваем полностью; человеческий разум всесилен, и центр жизни человечества составляет наука. Декарт утверждал, что ученым и философам надо «освободить свой ум от сообщества чувств», что всяческие случайности следует понимать «как химеру, происходящую от заблуждения нашего разума». Он полагал, что людьми в полном смысле являются лишь ученые и философы[1]. Подобного рода «наукоцентризм» (сциентизм), замешанный на дрожжах рационализма, бытовал и в последующие столетия: в Англии — Дж. Ст. Милль; в России — Д. И. Писарев; к месту вспомнить и тургеневского Базарова. В XX в. тоже неоднократно говорилось, что наука составляет центр жизни человечества (например, «Философские мысли натуралиста» В. И. Вернадского).

Вместе с тем уже в XVII в. декартовская апология науки дала трещину. О том, что человеческий разум не всесилен и что в сознании людей многое его превосходит, говорил Б. Паскаль. Позже наукоцентризм (по разным мотивам) оспаривали Ж. Ж. Руссо, И. Кант, Л. Толстой.

Полемика с декартовской верой во всесилие науки на протяжении последних десятилетий достигла своего апогея. Стала подвергаться сомнению, а то и вовсе отвергаться *объективность* научного познания. У истоков этого новейшего антисциентизма, связанного, заметим, с постмодернистской философией, — книга американского философа Томаса Куна «Структура научных революций» (1962; русский перевод — 1975), вызвавшая всемирный резонанс. История науки рассмотрена в ней как нескончаемый ряд сменяющих друг друга *парадигм* — «наборов предписаний для научной группы», как цепь радикальных (революционных) отказов от «вчерашних» научных установок и достижений. При этом утверждается, что принятие уже существующих парадигм малоплодотворно и имеет нетворческий характер: наука обречена *постоянно* пребывать в состоянии кризисов, а потому должна быть «экстремальной», а не «нормальной». Традиционное же понимание науки как развивающейся поступательно, *накапливающей* знания о реальности решительно отвергается[2]. Кун и его многочисленные единомышленники и продолжатели настаивают на том, что ученым доступно только создание гипотез, которые сохраня-

---

[1] *Декарт Р.* Избранные произведения. — М., 1950. — С. 328, 667, 168.

[2] *Кун Т.* Структура научных революций. — М., 1975. — С. 228, 177, 108.

ют значимость лишь до поры до времени, что их задача — не подтверждение (верификация) сделанного ранее, а, напротив, его отвержение («фальсификация» — в терминологии К. Поппера).

Идеи Куна на протяжении последних десятилетий были доведены до крайности тотального отвержения деятельности ученых и ее плодов. Говорилось даже, что научные труды являют собой лишь область заблуждений; бытует концепция фаллибализма (от англ. fallible — подверженный ошибкам). Знаменательно недавнее появление в США книги с говорящим названием «Конец науки»[1]. В том же русле — публикация в одном из наших журналов статей под заголовками «Конец систем», «Конец дисциплин» и т. п.[2]. Заметим: о тупике научного знания говорят по преимуществу философы постмодернистской ориентации, а не сами ученые.

Новейший скептицизм по отношению к научному знанию вызвал ряд принципиальных возражений. Так, венгерский ученый Имре Лакатос упрекал теоретика научных революций в отходе от извечно присущей науке рациональности. Было сказано, что переход от одной парадигмы к другой у Куна предстает как «обращение в новую веру», как некий мистический феномен[3].

Внутренне полемична к идее нескончаемых научных революций и последняя книга Ю. М. Лотмана: взрывные (т. е. революционные) процессы «отнюдь не являются единственным путем к новому», необходимы и «постепенные процессы», которые обладают «мощной силой прогресса». Существуют, по Лотману, два полюса культурной жизни — динамизм и стабильность: «Уничтожение одного полюса привело бы к исчезновению другого»[4]. Эти суждения о культуре, конечно же, имеют самое прямое отношение к науке и ее эволюции.

Правомерно, по-видимому, говорить о *единой* парадигме (или лучше — сверхпарадигме) научного знания. Это — установка ученых и их сообществ (если это собственно научные, а не околонаучные группы людей) на постижение существенных (закономерных и общезначимых) феноменов реальности, на обретение достоверного и при том систематизированного, логически обоснованного знания. Именно в рамках этой сверхпарадигмы-константы вершится время от времени (на фоне постепенного, поступательного движения науки) резкая смена научных концепций, о которой говорили Т. Кун, К. Поппер и их продолжатели-единомышленники.

---

[1] См.: *Horgan J.* The End of Science. Facing the limits of knowledge in the Twilight of the Age. — N.Y., 1997.

[2] См.: Новое литературное обозрение. — 2003. — № 59.

[3] Цит. по: *Кун Т.* Структура научных революций. — М., 2003. — С. 474—475.

[4] *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. — М., 1992. — С. 17—18.

§ 3. Классификация научных дисциплин

Наука слагается из ряда ее дисциплин (с течением исторического времени их становится все больше), которые принято объединять в группы, две или три. Так, вслед за А. Пуанкаре разграничиваются науки математические и опытные, имеющие дело с некой конкретикой. В составе последних выделяются науки о природе — и о человеке и обществе. Об этом говорили немецкие философы рубежа XIX—XX вв.: основатель философии жизни В. Дильтей, неокантианцы В. Виндельбанд и Г. Риккерт. Предмет наук о человеке и обществе они именовали либо «духом», либо «историей», либо «культурой», либо «личностью» (индивидуальностью).

В составе этих наук правомерно различать два явления. Это, во-первых, познание некоторых общностей и закономерностей, т. е. *надиндивидуальных* феноменов, чем по преимуществу заняты антропология, этнография, социология, психология, лингвистика, а также история (в той мере, в какой она сосредоточивается на жизни и деятельности человеческих масс). В этих областях научного знания о человеке сколько-нибудь существенное, принципиальное отличие от наук о природе отсутствует: познавательные установки у них по сути являются общими.

Во-вторых, в состав наук о человеке входит познание *индивидуально-личностной* сферы существования людей: однократного, особенного, единичного. Предметом интереса ученых здесь оказываются отдельные люди, их судьбы, их деятельность с ее плодами, их мироотношение и переживания. Таковы историко-биографические штудии, посвященные лицам выдающимся, опыты изучения отдельных исторических событий, а также философско-религиозных трудов, публицистических текстов, эссеистики, мемуаров, писем, далеко не в последнюю очередь — и искусства (в особенности близких нам эпох).

Здесь методы и пути познания весьма специфичны, они резко отличаются от математических и естественно-научных. В подобных познавательных опытах, как утверждал Г. Риккерт, имеет место «индивидуализирующее описание», которое «может быть названо научным только в том случае, если оно основывается на всеобщих культурных ценностях». Здесь, полагал философ, решающую роль имеет «метод отнесения к ценностям рассматриваемых явлений»[1]. Говоря иначе, «индивидуализирующие науки», которые мы перечислили, имеют своим объектом мир, сущностно связанный с представлением о ценностях (об этой философской категории см. с. 65—68). Здесь ученые сосредоточены на том, что

[1] *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. — СПб., 1911. — С. 182, 127.

подлежит оценке и не может восприниматься с отчужденной нейтральностью ни ими самими, ни теми, для кого значимы их штудии. Именно эта область познания именуется *гуманитарными науками*, или, точнее, *гуманитарным знанием*. Предметом постижения здесь является личность (нем. Person), принципиально отличная от вещи (Sache), о чем было сказано в трехтомной монографии В. Штерна[1] и много раз повторено позже. Эта пара понятий (скажем, забегая вперед) составила основу концепции гуманитарных наук М. М. Бахтина.

Условием познания личности является ее *понимание* (нем. Verstehen). Категория эта введена в обиход философии еще В. Дильтеем, который говорил о понимании как уделе и достоянии «наук о духе», в науках же о природе усматривал прежде всего объяснение (*нем.* Erklären). Учение о понимании личности именуется *герменевтикой*. К обсуждению этой категории, первостепенно важной для литературоведения, мы теперь и обратимся.

2. ГЕРМЕНЕВТИКА

Герменевтика (от др.-гр. глагола «разъясняю») — это искусство и теория истолкования текстов, учение о понимании смысла высказывания и — шире — другой индивидуальности. Она может быть охарактеризована как учение о познании личности говорящего и ею познанного.

Герменевтика ныне становится (или близка к тому, чтобы стать) *методологической основой* гуманитарного знания, в том числе искусствоведения и литературоведения. Ее положения проливают свет на характер общения писателей с публикой и отдельными лицами.

Истоки герменевтики — в античности и христианском Средневековье, когда стали предприниматься опыты толкования мифов и сакральных текстов. Как самостоятельная научная дисциплина она оформилась в XIX в. благодаря трудам ряда немецких мыслителей, среди которых наиболее влиятельны Ф. Шлейермахер и В. Дильтей.

Герменевтика XX в. ярко представлена трудами Г. Г. Гадамера (Германия) и П. Рикёра (Франция), а также наших соотечественников: Г. Г. Шпета, который тщательно исследовал многовековую историю этого учения, и М. М. Бахтина, о работах которого речь пойдет ниже.

---

[1] См.: *Stern W.* Person und Sache. System des kritischen Personalismus. Bd. I—III. — Leipzig, 1923—1924 (1-е изд. — 1906); *Франк С.Л.* Личность и вещь (Философское обоснование витализма) // Русская мысль. — 1908. — № 11.